

Семь дней. — 2002. —
11-10 нояб. (№ 45). —
с. 60 — 63

Популярность Оксана Мысиной принес сериал «Семейные тайны». В жизни ее героини случается столько приключений, что, кажется, такое может быть только в кино. Но и у самой актрисы есть семейные тайны, по которым хоть сейчас снимай сериал. Взять хотя бы историю ее замужества. Ради Оксаны американский писатель, драматург и журналист Джон Фридман, оставил 14 лет назад благополучную Америку и переехал в Советский Союз...

ОКСАНА МЫСИНА: «У НАС С ДЖОНОМ СВОИ СЕМЕЙНЫЕ ТАЙНЫ»

— Неужели это правда, Оксана?

— Да. Причем, чтобы (нафосно) завоевать мое сердце, Джон ходил на спектакль «Дорогая Елена Сергеевна» в театр «Модерн» (тогда он назывался «Театр-студия на Спартаковской»), где я тогда играла, 40 (!) раз. Каждый вечер он неизменно сидел в первых рядах и не сводил с меня глаз. Сначала в театре шушукались, переглядывались, а потом стали в открытую интересоваться происходящим: «Боже мой! Этот американец все время ходит, все время смотрит на тебя...»

— А вы что же?

— Я чувствовала себя ужасно неудобно, стеснялась, убегала. (Смущенно.) Джон ведь мне сразу понравился...

Джон: А мне безумно нравился этот спектакль. Хотя, конечно же, если бы Оксана в нем не играла, я не стал бы смотреть его 40 раз. Глупо было бы утверждать, что я влюбился в актрису Мысину и ходил смотреть только на нее... И все-таки я ходил «на Мысину». И каждый раз балдел, глядя на эту удивительную женщину. Появившись на сцене в neglige, она в первую же секунду очаровала меня. Знаю, фраза звучит пошловато. Но это факт. Ее героиня вышла из ванной... Еще не было видно лица, она стояла к залу спиной, а я уже почувствовал эту ауру... До сих пор помню тот первый миг, то «чудное мгновение». Потом мне захотелось второго мига, третьего. И так 40 раз. (Смеется.)

— Когда же Оксана влюбилась в вас?

— На мой взгляд, это тоже произошло в первый день, когда после спектакля меня пригласили к режиссеру, и мы с актерами обсуждали постановку. Я почувствовал, что Оксана равнодушна ко мне. Хотя настоящего внимания с ее стороны я добивался долго. Восемь месяцев! В театральном мире о нас уже начали слагать легенды. А Оксана все избегала меня. Спасибо актеру Сергею Пинегину, который пригласил нас обоих на свой день рождения. Я никому не рассказывал о своих чувствах, но Сергей сам все понял и постоянно повторял: «Джон, ты прав! Ты прав, что влюбился в Оксану...»

Оксана: Да ты что? Я и не знала. Вот Серега, вот бессовестный!

— Джон, а как вы оказались в Москве?

— Я работал здесь над своей диссертацией по Николаю Эрдману и, естественно, посещал театры.

— Как выясняется, в основном это был один театр...

Оксана: Ну да... И после 40-го посещения Джоном «Елены Сергеевны» я сдалась. (Смеется.) На дне рождения Сергея мы поняли, что хотим быть вместе. Но время пребывания Джона в Москве заканчивалось, и он должен был возвращаться домой. Мы решили съездить вдвоем. Не тут-то было! Американцы бесцеремонно отказали мне в визе. Мы не были еще женаты. И, если бы не препоны, которые без конца создавали нам чиновники обеих стран, мы, возможно, даже не стали бы расписываться... Пришлось показывать работникам

АЛЕКСЕЙ ПЕТРОВ

ФОТО ИЗ СЕМЕЙНОГО АЛЬБОМА

Оксана с родителями Лидией Григорьевной и Анатолием Владимировичем

посольства все наши любовные письма, подчеркнув по их просьбе красным карандашом те места, где мы с Джоном договаривались о том, что не я приеду в США, а он — в СССР и что поженимся мы в Москве. Хотя и после свадьбы проблемы не закончились. Мы, например, знали, что наша квартира в Люберцах прослушивается...

Джон: Эх! (Вздыхает совсем по-русски.) Это был настоящий кошмар!.. Вы не поверите — вернувшись этим летом из отпуска, мы услышали на автоответчике сообщение участкового милиционера: «Я вас давно не беспокоил. А вы ведь должны каждый месяц объявляться...»

— Свадьба была русско-американская?

Джон: К сожалению, никто из моей семьи в Москве до сих пор не был. Отца уже нет в живых, мама — пожилая женщина — живет со своей старшей, не очень здоровой, сестрой и не может оставить ее одну. А брат и две сестры все обещают приехать, но не приезжают.

Оксана: Им хочется побывать в России зимой. Но зимой у нас морозы, страшно. А лето у них в Калифорнии и так круглый год. Вот и мучаются... Тем не менее свадьба у нас была.

— Интересно, как мама Джона приняла русскую сноху, а родители Оксаны — американского зятя?

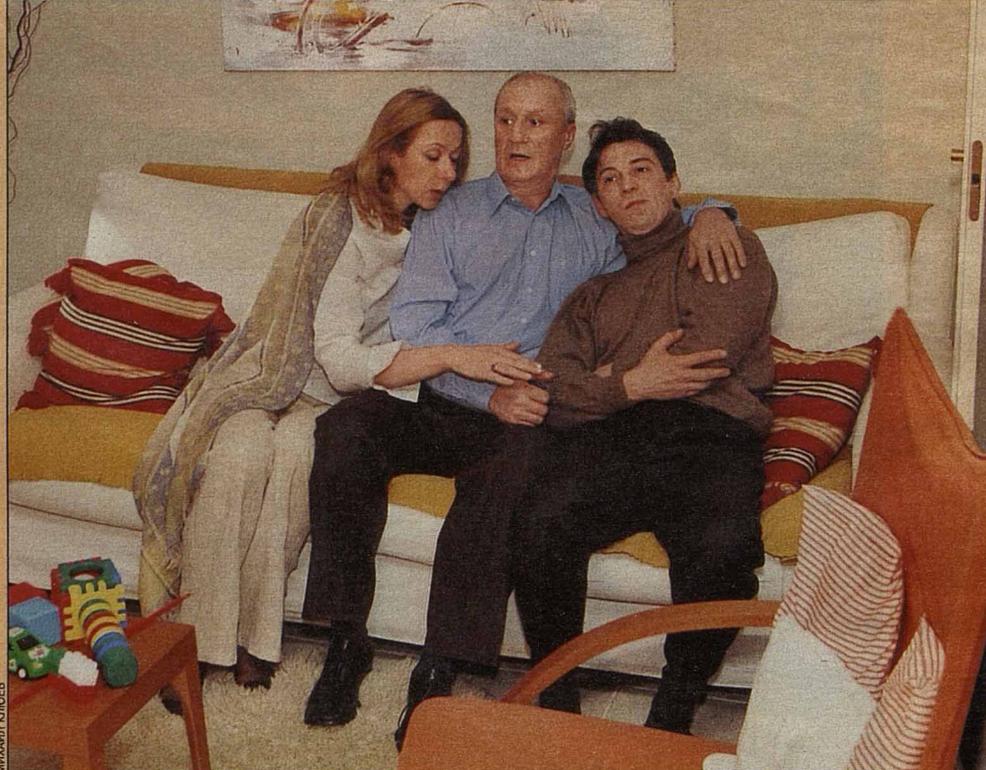
Джон: Когда моя мама узнала, что я не просто уезжаю из Соединенных Штатов в Советский Союз, а уезжаю навсегда и при этом собираюсь создать семью с русской женщиной, то пережила настоящий шок. Она ведь познакомилась с Оксаной только через несколько месяцев после свадьбы. Но как только познакомилась с ней — тут же влюбилась. Мне кажется, они сразу понравились друг другу.

Оксана: Похожая ситуация была и с моими родителями. Сейчас они любят Джона больше, чем меня. Но сначала папа воспринял известие о зяте-американце в штыки. Мы уже жили отдельно, я приехала к маме, зашла в квартиру, и она сразу все поняла. Надо было видеть нас с Джоном в предсвадебный период! Мы исхудали, потеряв каждый килограмм по 10, остались одни глаза. И мама по ним прочитала, что наши чувства — настоящие. Но когда она поделилась новостью с отцом, тот был просто в бешенстве. Он кричал на меня, 28-летнюю, как на школьницу: «Что-о-о! Он — иностранец?! Как ты могла?! Этого не будет! Никогда!» Я расплакалась. И тут мама сказала твердо: «Так, сейчас Оксана будет знакомить Джона с нами, и если ты скажешь хоть слово против, я с тобой разведусь. Будешь терпеть, будешь молчать и будешь улыбаться!» После этого урюмый отец посадил меня в машину, и мы поехали за Джоном... Когда мой будущий муж открыл нам дверь, папа расплылся в улыбке... И они стали друзьями.

Джон: Через пять минут после знакомства мы уже ехали с ним в машине и наперебой хвалили Горбачева. Спустя несколько лет мы, правда, с пеной у рта его ругали и начинали хвалить Ельцина, а потом ругали и его. Все было. Но в первый день я, конечно, страшно боялся.

— Джон, не лукавьте! Вы с Оксаной поженились взрослыми людьми. О каком страхе вы говорите?

— Кто это из нас взрослый? Ха-ха!!! В нашей семье таких нет. Ксюш, правильно я говорю? И знаете, почему? Цинизм, зависть и ревность — самые страшные качества, присущие людям из мира театра. Это взрослые черты. За себя не скажу, а у Оксаны их точно нет.

МИХАИЛ КЛУБОВ

Оксана Мысина, Юрий Беляев и Николай Добрынин в сериале «Семейные тайны»

— Хотите сказать, что в вашем браке даже на начальном этапе не было места ревности?

Оксана: После свадьбы у нас возникли совсем другие проблемы. Замужество стало для меня таким серьезным шагом, что поначалу я просто не понимала: как себя вести? надо ли мне как-то измениться? Мне казалось, что замужние женщины — какие-то особенные, не такие, как я. Пережить этот стресс было очень сложно. Я надолго ушла в себя, замкнулась. А Джон сходил с ума, не зная, как мне помочь, и сокрушался: «Зачем я женился?»

Джон: В тот момент я был абсолютно уверен, что совершил жуткую ошибку. Первая неделя была медовая, мы жили замечательно. А потом началось что-то страшное. Меня не покидала мысль: «Во что я влип? Я, американец, живу в Советском Союзе с женой. Но... так жить невозможно! Это ужас!» Мы разговаривали, но было видно, что Оксана не здесь, что думает о своем. Достать ее из этой «раковины» было невозможно. Мы долго мучились.

Оксана: Может быть, я была настолько глупа, что не могла преодолеть стереотипы, навязанные нам обществом: есть любовь, а есть брак? Что такое любовь, мне кажется, я знала. А что такое брак, не понимаю до сих пор.

— Да уж! Ваша «мыльная опера» будет похлеще «Семейных тайн». Кстати, как вы попали в этот сериал?

Оксана: Лет десять назад мы с Джоном посмотрели фильм Лены Цыплаковой «Камышовый рай», и он сказал мне: «Вот твой зятьяк! Позови ее на свои спектакли, познакомься...» А потом я летела на «Кинотавр» с фильмом «Пьеса для пассажира» и, увидев в салоне самолета Цыплакову, подошла к ней: «Лена, я потрясена вашей картиной. Если когда-нибудь у вас будет для меня любой эпизод, все что угодно — я буду счастлива с вами работать». Несколько лет спустя сияющая Лена встречает меня на «Мосфильме»: «Оксана, я приступила к работе над сериалом. Это «Король Лир» нашего времени!»... Прочитав сценарий, я сказала мужу: «Джон, если вся Россия не будет плакать перед телевизорами, я не актриса».

— Ну и как, по-вашему, надежды оправдались?

— Когда сериал начали показывать по телевидению, творилось что-то невероятное. Люди останавливали меня на улице и чуть не плакали: «Боже мой! Как вы себя чувствуете?», «Выпустят ли вас из тюрьмы?», «Мы не переживем, если вам сделают аборт!» Как-то подошел грузин: «Я сейчас еду домой. Моя жена не спит ночами, переживает. Скажите, вам оста-

АЛЕКСЕЙ ПЕТРОВ

вят ребенка?» У меня даже возникало ощущение, будто все эти события происходят не с героиней, а со мной.

— Вы работали и в кино, и в театре с очень хорошими режиссерами, а по-настоящему популярной стали только после этого сериала, в 40 лет. Это не смущает?

— Нет, значит, так должно быть. Театром я бредила с детства. В спецшколе играла Тома Сойера на английском языке, в летнем пионерлагере — Бабу Ягу, сидящую на фонарном столбе. Моя героиня так всем понравилась, что меня стали приглашать в другие лагеря, так сказать, на гастроли. Но в театральное я поступила только в 21 (!) год. И не важно, что выглядела при этом на 15. В 21 многие уже заканчивают учиться, а я только созрела для того, чтобы стать актрисой. В детстве я была очаровательной

миниатюрной девочкой, а к 16 годам резко выросла, превратившись в дылду, и просто не знала, что с этим делать. Я боялась себя и должна была пожить со своим ростом, привыкнуть к себе такой, потому и решила для начала вслед за сестрой пойти в Гнесинское. Правда, и там без приключений не обошлось. Однажды кто-то из преподавателей увидел меня в рок-опере у Вячеслава Спесивцева — я играла в его театре. Разразился жуткий скандал. Меня вызвали на пелсовет, стыдили: «Как же так можно?! Твоя сестра — такая талантливая, серьезная. Мы думали, и ты такая же. А ты занимаешься ерундой — с голыми ногами бегаешь по сцене. Как тебе не стыдно?!» Я все молча выслушала и сказала с вызовом: «Что вы хотите? Чтобы я ушла из театра? Тогда я не буду жить». Испуган-

ные преподаватели только и смогли сказать: «Ладно, Оксана, иди...» Так меня не выгнали из Гнесинки, но и от Спесивцева я не ушла — играла Птишу Феникс в рок-опере «Садко».

В тот период мы только строили свой театр. Ходили в респираторах, с утра до ночи долбили молотками, клали кирпичи, выносили мусор. Я отвечала за полы, за чистоту зрительских кресел, и кто-то наступал Спесивцеву, что какое-то кресло осталось грязным. (Улыбается.) На другой день он собрал труппу, чтобы объявить перед спектаклем состав (а я играла в одном составе), дошел до Птиши Феникс, тяжело вздохнул и сказал: «Ну, ладно... Мысина сыграет». Я не сдержалась: «Почему вы говорите таким тоном? Если считаете, что я не достойна быть на этой сцене, так и скажите». В воздухе повисла длинная мхатовская пауза. Спесивцев перевел дух и крикнул, что было мочи: «Во-о-он!!! со сце-е-ены!!!» И я ушла в канатный цех.

— Шутите?

— Сейчас я могу уже над этим смеяться. А тогда было не до веселья. В моем распоряжении (важно) находились мешки с названиями спектаклей. В них лежали канаты, соединяющие на сцене конструкции, по которым ходят люди. Время от времени канаты надо было вытаскивать, проветривать, следить, чтобы все были пронумерованы, а чтобы не развязались — поджигать (сквозь смех) и клеивать изолентой. Всем премудростям этого дела меня обучили, так что, приходя в театр из Гнесинки, я откладывала альб в сторону и уверенно жгла канаты... Никогда не забуду, как сидела в подвале и слушала, как другая актриса поет мою роль. Терпения моего хватило ненадолго. От Спесивцева я ушла. Наверное, во всем виноват мой характер.

— Характер формируется в детстве...

— До восьми лет я жила в Донбассе. Степи, мало дождей, пыльные бури, зимой так все заметало снегом, что не видно было не только окон, но даже крыш домов. Правда, снег порой бывал черным от угля... Потом мои родители решили переехать в Москву.

— Они имели какое-то отношение к горной промышленности?

— Прямое. Окончив в Днепропетровске горный институт, приехали по распределению в поселок Юннокомунарвск, где мы с моей старшей сестрой Мариной и родились. Мама — сейсмолог — писала там диссертацию, занималась прогнозированием землетрясений. Папа был инженером, потом главным инженером шахты. Он обожал свою работу, считал ее очень романтической, хотя множество раз и сам попадал в завалы, и спасал других. Я ходила в детский сад, но помню, что почти каждую неделю в поселке были похороны. Погибли отцы нескольких моих друзей. Несмотря на весь трагизм этой профессии, папа всегда ходил на работу с горящими глазами, а мы с Мариной кидались ему на шею и целовали, осознавая, что он может не вернуться. Мама даже говорила нам специально: «Давайте, дочки, целуйте папочку! Он уходит». Отец подбрасывал нас к потолку и каждое утро прощался навсегда...

— Как же он смог расстаться с этой, с позволения сказать, романтикой?

— Было две причины нашего переезда в Москву. Первая — мама хотела, чтобы мы получили серьезное образование. Когда мы еще жили в Донбассе, Марина, например, одна ездила в другой город учиться игре на скрипке, а это два часа на автобусе туда и обратно. Второй причиной стала профессиональная болезнь шахтеров — силикоз, когда легкие становятся черными. Как только отцу поставили этот диагноз, мама сказала: «Все, мы уезжаем». Отец был в ужасе: «Как — в Москву?» Мало того, что он вынужден был бросить любимую работу, так еще и в столице у нас никого не было. Кроме одного хорошего друга семьи...

Поначалу нам в Москве было непросто. На вырученные от продажи «Волги» деньги мы какое-то время снимали квартиру. Дом в Донбассе с телевизором, мебелью, со всем, что у нас было, оставили нашей няне, которая как раз родила первого ребеночка. Сейчас у нее трое детей, но она по-прежнему живет в том доме. А мы в Москве начали жизнь практически с нуля. Родители устрои-

«В первую же секунду Оксана потрясла меня. Я и сейчас каждый раз млею, глядя на эту удивительную женщину»

АЛЕКСЕЙ ПЕТРОВ

лись работать в НИИ. Жили сначала в Новогиреево, потом папа получил квартиру в Люберцах. Он разрабатывал конструкции, так называемые крепи, благодаря которым можно избежать взрыва в шахте, написал на эту тему диссертацию. Изобретенная им установка была внедрена в Болгарии, но отец мечтал сделать то же самое в Донбассе. Много лет он пробивал это дело и до сих пор страдает, что не получилось.

— Сейчас у вас с Джоном свой дом — трехкомнатная квартира в старом районе Москвы. Муж привнес что-нибудь в вашу совместную жизнь из своей американской?

Джон: Музыку.

Оксана: Омлет.

— Это что — типичное американское блюдо?

Оксана: Ой, не знаю, в нашей семье уже все так переплелось. Когда мы ездим в отпуск в США, то, конечно, живем в семье Джона по-американски. А возвращаемся сюда, и оба чувствуем себя русскими. Хотя я к тому образу жизни привыкла не сразу и первое время очень страдала. Все блюда казались мне такими сладкими, даже приторными, что я не могла ничего есть, хотелось все посолить и поперчить. Русская еда же в основном простая. А Джон тщетно старался удивить меня экзотикой.

Джон: Я был на нее так зол! В Чикаго мы пошли в шикарный китайский ресторан с потрясающей кухней, я заказал все самое лучшее. Ем и понимаю: это — грандиозно! А Ксюша сидит молча, ничего не ест. Спрашиваю: «Что такое?» Она: «Ой, это ужасно!» Я так обиделся...

— А вы русскую еду любите всю, без исключения?

— Я ем все, кроме мертвой рыбы. Не в том смысле, что люблю живую, а в том, что, когда вижу на столе бедных соленых рыб, мне становится не по себе. Почему? (Улыбаясь.) Это было в далеком 1979 году, когда я, студентом, впервые приехал с группой в Советский Союз. Мы были на экскурсии в Виннице, а потом нас повезли в пионерский лагерь. Большая часть ребят осталась с детьми — они смотрели какие-то спектакли, играли в футбол, а меня, еще 4 лучших русскоговорящих студентов и нашего руководителя пригласили на прием. Ну, прием — так прием. Заходим в комнату. Там стоит громадный банкетный стол, а на нем 200 бутылок водки (на 20 гостей!) и так называемая

мертвая рыба — селедка. Водка и селедка. Все! Я и тогда не любил эту рыбу, но ведь не пить неудобно, а закусывать больше нечем... Я пил, пил и, когда понял, что жутко пьянею, начал от безысходности есть селедку. Это меня и убило. Через несколько часов мне стало так плохо, так плохо, что я запомнил эти ощущения на всю жизнь.

Оксана: А я раньше любила селедочку! Но теперь в нашем доме ее не бывает, и только когда приходим к кому-нибудь в гости, я, увидев на столе «мертвую рыбу», радуюсь как ребенок: «Ой, селедочка!..»

Джон: Только не подумайте, что я запрещаю Оксане покупать селедку. Она может есть ее и дома. Но ведь одной неинтересно, правда? (Улыбается.)

Татьяна ПЕТРОВА